

Гибридность как главная черта современных международных конфликтов

Интервью с Дмитрием Трениным

АННОТАЦИЯ

Дмитрий Витальевич Тренин – российский политолог-международник, член Совета по внешней и оборонной политике и Российского совета по международным делам. Специализируется на общих проблемах внешней политики России, ее отношениях с США, ведущими странами Европы и Азии, а также с соседними государствами. Автор ряда книг, опубликованных в России, США, Великобритании, Германии, Китае и Японии. В 1972–1993 гг. служил в Вооруженных Силах СССР и Российской Федерации, в 1994–2022 гг. работал в Московском центре Карнеги, в т.ч. с 2008 г. – в качестве директора центра.

*Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала
«Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В последние годы холодной войны в академическом сообществе и в политических кругах ведущих государств мира доминировало представление если не о наступлении бесконфликтной эры, то о значительном снижении фактора силы в международных отношениях¹. Однако последующее развитие событий опровергло ожидания конца 1980-х гг. Серия этнополитических конфликтов на пространствах СССР и Югославии, эскалация насилия на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, практики так называемых «гуманитарных интервенций», ломающих национальный суверенитет, – это то, с чем мир имеет дело на протяжении последних 30 лет. Войны не просто не ушли из международной повестки дня, а стали едва ли не главным блюдом политического меню. Почему, с Вашей точки зрения, те возможности, которые открывались в 1989–1991 гг. перед миром в финале холодной войны, не реализовались? Ни новой Европы, которую предлагала Парижская хартия 1990 г., ни подлинно, безо всяких кавычек нового мышления на международной арене не появилось?

Дмитрий Тренин: Холодная война была главным образом военно-политическим и идеологическим противостоянием. Ее прекращение означало

¹ Zubok, Vladislav. *Collapse. The Fall of the USSR*. London and New Haven: Yale University Press, 2021.

окончание не только центрального противостояния между СССР и США, но и периферийных вооруженных конфликтов по всему миру: от Афганистана и Юго-Восточной Азии (Камбоджа) и от Юга Африки (Намибия) до Центральной Америки (Никарагуа). Также произошла нормализация отношений по линии СССР–КНР и заморозка конфликта на Корейском полуострове. Для многих политологов, сосредоточенных на изучении глобального противостояния капитализма и коммунизма это, действительно, было «концом истории»¹. Правда, одни из них видели этот «конец» в форме торжества рыночного либерализма, а другие – в форме движения к конвергенции противоборствующих мировых систем. Первые оказались триумфаторами (на время). Вторые очень скоро были горько разочарованы.

Были и те, кто видел в завершении холодной войны не конец истории, а ее возвращение². Они, собственно, были правы тогда и остаются правы сегодня. Господствовавшая в мире в целом биполярная модель международных отношений, а также «имперский мир», царивший в каждом из противоборствующих лагерей, на время заморозили многочисленные межгосударственные конфликты по всему миру, а также внутренние противоречия в некоторых сложных государственных образованиях. Глядя на конфликт в Нагорном Карабахе (с 1988) и нарастающую (с 1989) напряженность между Сербией и другими республиками еще существовавшей Югославии, «историки» ожидали взрыва территориальных претензий соседних государств друг к другу и ревизии границ, проведенных после 1945 г. Противодействие такому сценарию стало в начале 1990-х гг. одним из главных официальных аргументов в поддержку расширения НАТО на Восточную Европу.

Окончание холодной войны между Востоком и Западом и нормализация советско-китайских отношений означали резкое снижение конфликтности в отношениях между великими державами. Опасность мировой войны с перспективой всеобщего уничтожения отступила на дальний план. В то же время Соединенные Штаты Америки отметили окончание противостояния с Советским Союзом крупной войной на Ближнем Востоке – против Ирака, захватившего Кувейт. «Война в Заливе» в начале 1991 г. возвестила начало нового мирового порядка, основанного на гегемонии единственной оставшейся сверхдержавы. Москва не только осудила действия своего багдадского союзника, но фактически заявила о солидарности с Вашингтоном и созданной им широкой международной коалицией.

Вскоре последовало десятилетие непрерывных войн на территории распадавшейся Югославии. Вначале – между Сербией и Хорватией; затем между

Глядя на конфликт
в Нагорном
Карабахе (с 1988) и
нарастающую (с 1989)
напряженность между
Сербией и другими
республиками еще
существовавшей
Югославии, «историки»
ожидали взрыва
территориальных
претензий соседних
государств друг к
другу и ревизии
границ, проведенных
после 1945 г.

1 Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

2 Huntington, Samuel. "The Clash of Civilizations?" *Foreign Affairs* 72, no. 3 (1993): 22–49; Asmus, R. *Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era*. Columbia University Press, 2002.

сербам, хорватам и мусульманам в Боснии и Герцеговине; наконец, между сербами и косовскими албанцами в Косово. В эти конфликты непосредственно втягивалось – по нарастающей – НАТО. На территории СССР, кроме Карабахского кризиса, возникли очаги войн и конфликтов: в Таджикистане, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Эти конфликты были остановлены – а таджикский был решен – в результате военного вмешательства России. Сама Россия с 1994 г. вела длительную вооруженную борьбу вначале против сепаратистов, затем международных террористов в Чечне и соседних республиках Северного Кавказа.

К перечисленному можно добавить еще немало других военных сюжетов 1990-х гг., включая геноцид в Руанде (1994). Смысл этого перечисления прост: параллельно тому, как уходил страх перед мировой ядерной войной, в мире актуа-

лизировались конфликты, долгое время скованные холодной войной. Страх перед мировой войной отступил, но на его место немедленно выступила реальность множества кровопролитных гражданских, локальных и региональных войн. Фактически в ряде регионов – Югославия, многие республики бывшего СССР – окончание холодной войны означало завершение 45-летнего периода мирного развития и начало периода войн.

В специфических условиях начала 1990-х гг. сторона победителей – Запад во главе с США – могла бы пойти на включение постсоветской России в институты расширившегося Запада. Геополитически и геоэкономически это был бы чрезвычайно сильный ход.

Конечно, прекращение холодной войны – мирового конфликта, сопоставимого по масштабам с мировой войной – логически требовало заключения мирного договора и строительства на этой основе новой модели миропорядка. В специфических условиях начала 1990-х гг. сторона победителей – Запад во главе с США – могла бы пойти на включение постсоветской России в институты расширившегося Запада. Геополитически и геоэкономически это был бы чрезвычайно сильный ход. Возможности для этого были: российская элита была готова к интеграции в Евро-Атлантическое сообщество на определенных условиях. Тем не менее Вашингтон от-

верг эту возможность, не без оснований опасаясь, что такое расширение могло привести к эрозии единоличного доминирования (лидерства) США.

Любое решение, конечно, имеет свою цену. Пойдя на вариант расширения НАТО, включавший страны бывшего Варшавского договора и некоторые республики распавшегося СССР, США и их союзники фактически повели наступление на интересы безопасности России, что привело к охлаждению российско-американских отношений, затем к напряженности и, наконец, к противостоянию между Москвой и Вашингтоном. В феврале 2022 г. был совершен шаг от противостояния к противоборству. Дальше – только прямое столкновение, война. То, что произошло в отношениях России и Запада, еще раз свидетельствует: если по окончании крупной войны – неважно, горячей или холодной, – проигравшая сторона не включается на удовлетворяющих ее условиях в новый миропорядок, но при этом сохраняет достаточный потенциал и амбиции, то спустя некоторое время – одно, полтора поколения – следует новое столкновение.

Парижская хартия для Новой Европы¹ не стала основой миропорядка. Такой основой стало глобальное доминирование США – «однополярный мир». Еще в 2007 г. в речи на Мюнхенской конференции по безопасности президент В. Путин заявил о неприятии Россией такой модели миропорядка². Пятнадцать лет спустя началась специальная военная операция (СВО – далее) на Украине.

С.М.: Сегодня ряд исследователей описывает противостояние России и Запада в категориях «новой холодной войны»³. Между тем полного тождества между реалиями ялтинско-потсдамского мира и сегодняшним днем быть не может. Взять хотя бы отсутствие биполярности. Как бы Вы охарактеризовали нынешнюю ситуацию, прежде всего с точки зрения задействования силового фактора в международных отношениях? Какое определение кажется Вам наиболее точным и оптимальным?

Д.Т.: Действительно, называть нынешнее противоборство России и Запада «новой холодной войной» некорректно: ситуации конца 1940-х и начала 2020-х гг. слишком сильно отличаются друг от друга, и прямые аналогии скорее дезориентируют, чем помогают понять происходящее. На мой взгляд, период с февраля 2014 по февраль 2022 гг. можно описать как конфронтацию, противостояние преимущественно между Россией и США, а с февраля 2022 г. можно говорить о противоборстве между РФ и уже коллективным Западом во главе с США.

Если нужно как-то специально назвать это противоборство, то подходит ставшее популярным словосочетание «гибридная война»⁴. Это сочетание рифмуется с холодной войной, но в то же время это не «вторая холодная», а что-то новое. Гибридность нынешнего противоборства – в том, что оно ведется гораздо активнее и сразу на нескольких уровнях. На Украине между РФ и НАТО – в опосредованном режиме – ведется вооруженная борьба; в экономической и финансовой сферах идет «тотальная война» Запада против России; интенсивное противоборство проходит на информационном поле, в киберпространстве и даже в гуманитарной и культурной сферах. На этих «небоевых» площадках Запад задает тон.

С.М.: В 2009 г. Вы выпустили книгу, ставшую во многом пророческой. Речь об «Одином плавании»⁵, где Вы зафиксировали неудачу российского проекта по интеграции с западным (или, как его еще называют публицисты, «цивилизованным») миром. Но в сегодняшних условиях это «плавание» становится намного более опасным с учетом отсутствия у России надежных союзников и, напротив, ужесточения и консолидации позиций ее противников. Какая гавань была бы на пути нашей страны оптимальной?

Д.Т.: Вопрос о гавани – ключевой. Фактически это вопрос о целеполагании российской внешней политики. Неудача проекта западной интеграции России подтвердила, что наша страна не может быть вписана в чужие проекты и орга-

1 «Парижская Хартия для Новой Европы» // ОБСЕ. 21 ноября 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/tsc/39520> (дата обращения 18.05.2022).

2 Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 18.05.2022).

3 Sakwa, Richard. "New Cold War' or Twenty Years' Crisis? Russia and International Politics." *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-)* 84, no. 2 (2008): 241–267; Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity, 2016.

4 Hoffman, Frank G. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid War*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

5 Тренин, Д.В. *Одинокое плавание*. – М.: Изд. Эллина, 2009. – 182 с.

нически не способна принять над собой чужую власть или гегемонию. Следовательно, «гаванью» для России может стать положение страны-цивилизации, крупного независимого игрока мирового уровня. В геополитическом отношении Россия – это ни Запад, ни Восток; она – мировой Север. Речь не может и не должна идти ни о «возвращении в Европу», ни о превращении России в данника Китая. В плане геоэкономики РФ необходимо избежать как автаркии, так и чрезмерной зависимости от внешних финансово-экономических центров, в том числе из числа дружественных стран. Иначе говоря, рабочий режим «гавани» – это разумная открытость, финансовая и технологическая автономия и растущая инновационная составляющая.

При этом на обозримое будущее Россия останется во многом ресурсной экономикой, но с развитой переработкой сырья. С несколькими непосредственными соседями гавани создается рублевая зона, с другими странами торговля ведется в национальных валютах. Общая ориентация России в торговле и инвестициях – на незападные страны, прежде всего наиболее передовые из них. Военная безопасность России обеспечивается путем надежного сдерживания противников – ядерными, обычными и киберсредствами. РФ обладает способностью к защите непризнанных (на западе) и незащищенных (на юге) границ. Москва также проводит эффективную информационную политику, способную влиять на мировую повестку и общественное мнение.

Стратегическая линия России не должна быть направлена ни на ниспровержение существующего миропорядка во главе с США, ни на возвращение в старый западноцентричный мир на новых – более благоприятных для себя – условиях.

В плане миропорядка целью должно стать выстраивание новой системы международных отношений со странами Не-Запада и формирование в сотрудничестве с ними новой повестки дня для последовательного продвижения.

В плане миропорядка целью должно стать выстраивание новой системы международных отношений со странами Не-Запада и формирование в сотрудничестве с ними новой повестки дня для последовательного продвижения. В двусторонних отношениях приоритет стоит отдавать союзникам – Белоруссии и Казахстану – и ключевым мировым державам: Китаю и Индии, а также Бразилии. Очень важны отношения с региональными игроками: Турцией, Ираном, Пакистаном, членами группы АСЕАН, государствами Ближнего и Среднего Востока. На многостороннем треке имеет смысл сосредоточиться на взаимодействии на незападных площадках: ЕАЭС, ОДКБ, РИК, ШОС, БРИКС.

Стратегия в отношении Запада – это надежное сдерживание противника, его последовательное принуждение к фактическому признанию российских интересов безопасности и новых границ, поощрение выгодных России экономических связей и эрозия антироссийского санкционного режима, активная экономическая и технологическая разведка и наступательная информационная политика. Даже в ходе «одиночного плаванья» Россия не только должна, но и может проводить активную внешнюю политику. Чтобы поход к «гавани» был успешным, внешняя политика Москвы должна опираться на прочную политическую, экономическую и ценностную основу

внутри страны, быть органично связанной с внешнеэкономической политикой и реализовываться как единое целое¹.

С.М.: Распад Советского Союза проходил параллельно с распадом «второй Югославии» (в виде СФРЮ). Эти два процесса нередко сравнивали². И даже приходили к выводу о том, что «развод» бывших советских республик был относительно мирным. Однако сегодня мы уже точно можем сказать: Беловежские соглашения 1991 г. с их пафосом взаимного признания старых межреспубликанских границ в качестве новых межгосударственных не спасли субъекты бывшего СССР от военного противостояния. В чем, на Ваш взгляд, причина того, что постсоветское пространство пошло по пути «балканизации»? И, заглядывая вперед, можем ли мы считать, что СВО на Украине станет «последним актом» в процессе раздела советского наследия?

Д.Т.: «Балканизация» сопровождала процесс распада Советского Союза с самого начала. Советскими «Балканами» стал Кавказ. Армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе разразился еще в СССР и стал одним из симптомов и отчасти факторов распада Союза. Вскоре вспыхнули конфликты в Абхазии и Южной Осетии, входивших тогда в состав Грузинской ССР. На российском Северном Кавказе возник конфликт между осетинами и ингушами, а вскоре началась многолетняя война в Чечне, затронувшая также соседние Ингушетию и Дагестан. Не забудем о вооруженном конфликте в Приднестровье и о кровопролитной гражданской войне в Таджикистане.

В то же время признание – главным образом Российской Федерацией – административных межреспубликанских границ в качестве государственных, вероятно, предотвратило в начале 1990-х гг. конфликты на постсоветском пространстве по югославскому образцу. Москва пошла на признание границ, оставлявших 25 млн русскоязычных жителей за пределами России, рассчитывая на то, что ей удастся сохранить дружественные отношения с бывшими советскими республиками и что русская диаспора станет фактором новой интеграции. Эти надежды оказались напрасными, но распад исторической России действительно оказался гораздо более мирным, чем распад европейских империй – Британской, Французской, Португальской.

За сравнительно мирным распадом СССР в начале 1990-х гг. в конце 2000-х стартовал другой процесс – передел границ уже суверенных государств, возникших на месте бывшего Союза. Едва ли не главным фактором, запустившим этот процесс, стало расширение НАТО. В 2008 г., вскоре после короткой войны в Южной Осетии со стремившейся в западный альянс Грузией, Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. В 2014 г., сразу после прозападного переворота в Киеве, Россия установила контроль над Крымом и практически немедленно, организовав референдум на полуострове, включила эту территорию в свой состав. Одновременно Россия поддержала Донецк и Луганск, провозгласившие свои области – также на основе референдумов – независимыми республиками, и затем в течение восьми лет помогала ДНР и ЛНР отбивать попытки Киева восстановить свою власть на Донбассе.

1 Тренин, Д.В. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М: Альпина паблишер, – 2021.

2 Vujačić, Veljko. *Nationalism, Myth, and the State in Russia and Serbia: Antecedents of the Dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Заявленная цель СВО, начатой Россией на Украине 24 февраля 2022 г., состоит в защите ДНР и ЛНР и возвращении под их контроль тех районов двух бывших украинских областей, которые были заняты украинскими войсками в 2014–2015 гг. Помимо этого, в ходе СВО Вооруженные Силы РФ взяли под контроль часть южноукраинских территорий – Херсонскую и часть Запорожской областей. На этих территориях Москва создает свои военно-гражданские администрации, вводит российский рубль и проводит другие мероприятия, интегрирующие Херсон и Запорожье с Россией. Под контролем российских войск уже находятся некоторые районы Харьковской и Николаевской областей. Дальнейшее развитие СВО может привести к тому, что Россия займет Николаев, Одессу и Харьков. Судьба всех этих территорий, которые в России часто называют Новороссией, а также будущее остальной Украины зависят от конечных итогов СВО. На определенном этапе нельзя исключать и де-факто раздела Украины между Россией и странами НАТО (прежде всего Польшей и, возможно, Румынией), которые могут попытаться взять под контроль западные области Украины, где будет базироваться признанное Западом правительство Украины.

В случае перехода Одесской области под контроль РФ встанет вопрос о будущем Приднестровья. Один из возможных вариантов развития конфликта – изменение статуса непризнанной ПМР, ее окончательный развод с Молдавией и соединение с дружественными России территориями Новороссии. В случае реализации этого сценария нельзя исключать вхождения Молдавии в состав Румынии, где Бессарабия (но не Приднестровье) уже находилась в 1918–1940 гг. Правда, при этом встанет вопрос о Гагаузии, расположенной западнее Днестра, но тяготеющей к России.

Возвращаясь к Кавказу, следует иметь в виду, что Баку полон решимости не допустить вторичной заморозки карабахского конфликта и установить фактический контроль над всей территорией Нагорного Карабаха. Международно признанные границы при этом не изменятся, но успех Азербайджана и стоящей за ним Турции, если Москва по тем или иным причинам его допустит, будет означать полный исход армян из Карабаха и дальнейшее существенное изменение баланса сил в Закавказье в пользу Анкары и Баку. Другим изменением нынешнего статус-кво может стать добровольное вхождение Южной Осетии, которая по ряду очевидных причин не смогла состояться как независимое государство, в состав России, где она соединится с российской Северной Осетией¹.

Неожиданным исключением из «передельного процесса» стали страны Средней Азии и Казахстан. Границы между советскими республиками здесь были проведены довольно произвольно, в результате чего ряд этнических групп оказались разделенными границами. В советский период это не имело особого значения, но с получением этими республиками независимости ситуация изменилась. Тревожным фактором являлось непосредственное соседство с нестабильным

1 Проигравший в мае 2022 г. президентские выборы в Южной Осетии Анатолий Бибилов за 10 дней до своего ухода в отставку и инаугурации преемника назначил референдум в республике по вопросу о ее вхождении в состав Российской Федерации. Тем не менее Москва сдержанно отнеслась к этому предложению, не желая в условиях военной операции на Украине обострять отношения с Грузией. 30 мая 2022 года Алан Гаглоев, вновь избранный югоосетинский лидер приостановил указ своего предшественника о проведении референдума до завершения всеобъемлющих политических консультаций с руководством РФ.

Афганистаном. Неудивительно, что после распада СССР этот регион многими рассматривался как пороховой погреб. Тем не менее в этой части бывшего Союза границы остались стабильными, конфликты – за исключением внутритаджикского – сравнительно управляемыми. На будущее необходимо исходить из того, что именно внутренние конфликты в странах Центральной Азии представляют наибольшую опасность для стабильности региона. В начале января 2022 г. самая стабильная, как считалось, страна региона – Казахстан – преподнесла всем неожиданный, но важный урок. России пришлось срочно спасать ситуацию отправкой в Казахстан миротворческих сил ОДКБ.

Таким образом, передел геополитического пространства бывшего СССР еще далеко не закончен. Военная сила будет играть в этом процессе существенную роль.

Таким образом, передел геополитического пространства бывшего СССР еще далеко не закончен. Военная сила будет играть в этом процессе существенную роль.

С.М.: В современных исследованиях по проблемам мира и войны общим местом стали рассуждения о «гибридных» противостояниях. Более того, их подают как нечто новое в межгосударственных отношениях. Но не сомнительна ли такая «новизна»?¹ Разве не использовали в прежние годы разные государства тактику непрямого вмешательства в дела других стран? Взять хотя бы советских добровольцев в Испании 1930-х гг. или добровольцев из Китая во времена Корейской войны. В чем, по Вашему мнению, особенность «гибридных войн» дня сегодняшнего?

Д.Т.: Если под «гибридностью» понимать использование различных инструментов и методов – «квази», «прокси» и т.д. – применения силы, то примеры такого комплексного силового подхода можно найти в глубокой древности. Взять хотя бы стратагемы китайских правителей и полководцев. Военные интервенции осуществлялись в самых разных формах и под различными предлогами. Достаточно обратиться к истории иностранного вмешательства в российские дела в период Гражданской войны 1918–1920 гг.

Раньше я употреблял сочетание «гибридная война» для описания нынешнего противоборства коллективного Запада и России. Сделал это, сознательно взяв часто употребляемое выражение, похожее на холодную войну, но отличное от нее. В моем представлении, идущая сейчас «гибридная война» между РФ и американским блоком – такой же уникальный вид противоборства, как советско-американская холодная война 1940-х–1980-х гг. Главная особенность нынешнего противоборства по сравнению с холодной войной – в том, что оно проходит в условиях глобализированного мира, экономической взаимозависимости, логистической связанности, единого информационного пространства, с использованием технологий, которые прежде не только не существовали, но были просто немыслимы.

С.М.: Войны и конфликты не исчезли из мировой повестки дня. Однако на фоне растущей турбулентности мы видим постоянные апелляции к авторитету

1 Krasner, Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

международного права. Делают это и США, и Россия, и Китай, и Иран с Турцией¹. Какова ценность международного права сегодня? Это только декларации или мы можем говорить о запросе на некие правила игры на мировой арене? Могут ли международные отношения выйти из состояния нынешнего политико-правового релятивизма? И что для этого необходимо?

Д.Т.: Международное право – это не аналог правовой системы государства с обязательными к исполнению законами, санкциями за их нарушение и корпусом стражей порядка, судами и тюрьмами для преступников. Фактически это сумма соглашений, свободно заключенных суверенными государствами, из которых эти государства вольны выйти в любой момент. Международная система в принципе анархична, она не предполагает международной иерархии, в которой отдельные государства оказываются в подчиненном положении у других государств или организаций. Итак, международное право – это, в сущности, право международных договоров и соглашений.

На деле, конечно, миропорядок определяется не правовыми положениями, а силовыми реалиями. Устав ООН был выработан победителями во Второй мировой войне, которые обеспечили себе право вето в Совете Безопасности (СБ) и создали правовой механизм для осуществления военной интервенции (миротворчество) и принуждения к миру (ведение военных действий). СБ ООН мог бы стать мировым правительством, действовавшим на основе Устава – таковой была идея президента США Франклина Рузвельта, – если бы между постоянными членами Совета существовало устойчивое согласие. С окончанием войны, однако, союзные державы превратились в противников в новой – уже холодной – войне. Тем не менее в ходе противостояния противники вынуждены были соблюдать определенные нормы и правила, поскольку в биполярном мире ни одна из сторон не имела явного перевеса.

Ситуация изменилась после окончания холодной войны и установления мировой гегемонии США. Временное прекращение соперничества великих держав в условиях, когда Россия оказалась серьезно ослабленной, а поднимавшийся Китай был сосредоточен на проблемах экономического развития, привело к тому, что США получили возможность распространить свои нормы и правила, даже свое национальное право на весь мир. Международное право, основанное на договоренностях, стало подаваться в США и в Европе как слишком консервативное и устаревшее. Вместо него Запад предложил «мир, основанный на правилах», т.е. сумму норм и правил, сформулированных в США и Европе и корректируемых ими же. США в принципе не признают никакой власти над собой, включая ООН, международное право и мнение союзников. С правилами по-американски, в свою очередь, не согласны Россия, Китай и ряд других незападных государств, отстаивающих традиционное право, основанное на договоренностях.

Декларируемая приверженность государств международному праву не означает, конечно, безусловное подчинение тем или иным нормам. Такие сильные, самостоятельные государства, как Россия и Китай, действуют сообразно своим национальным интересам и представлениям. Это в полной мере относится, в част-

1 Onuma, Yasuaki. *International Law in a Transcivilizational World*. Cambridge University Press, 2017.

ности, к политике Москвы в украинском вопросе. При необходимости Москва и Пекин применяют вето в СБ ООН и могут позволить себе лишь принимать к сведению негативное для них голосование в Генеральной ассамблее ООН. Надо иметь в виду, что в современных условиях такие понятия, как «агрессия» или «санкции» могут применяться в контексте международного права только по решению СБ ООН, где каждый из пяти постоянных членов имеет право вето. Соответственно, санкции против РФ, объявляемые США или Евросоюзом, в России называют «незаконными», хотя это и не мешает Западу их множить. В свою очередь, западные государства говорят о «незаконной агрессии России» и «незаконной аннексии и оккупации» ею украинских территорий, но решающее значение имеет то, что реально происходит на земле.

Менее крупные игроки тоже имеют возможность не обращать внимания на международное право. Одни – такие как Израиль или Турция – потому, что могут всегда рассчитывать на понимание их действий, например, в Сирии или Ираке со стороны старшего союзника, США. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты уже много лет ведут войну в Йемене, которая – несмотря на многочисленные жертвы и лишения – очень скупо освещается в западных СМИ и логично не вызывает протесты западных столиц, поскольку Эр-Рияд и Абу-Даби считаются региональными союзниками США и являются покупателями больших партий американских и других западных вооружений. Кроме того, арабские страны Залива противостоят Ирану, которого в США уже больше 40 лет числят врагом. Со своей стороны, Иран и Северная Корея, ставшие странами-изгоями для Запада, пользуются свободой действовать без оглядки на Вашингтон и его союзников.

Международное право имеет ценность – в тех пределах, в которых оно реально способно действовать. Запрос на некие общие правила игры на международной арене в принципе существует. Без соблюдаемых всеми правил в мире правит хаос. Такие правила, однако, могут стать только результатом установления той или иной формы миропорядка и согласия основных государств с этим порядком. Но именно миропорядок и является сейчас главным предметом конфронтации между США и КНР и «гибридной войны» между Россией и Западом. Пока это противостояние на одном фронте и противоборство на другом не приведут к устойчивому равновесию в мире, ни о каких общих правилах речи быть не может. Все разговоры о мирном договоре по Украине, не говоря уже о «Хельсинки-II» для Европы, сейчас беспредметны. Основы для них пока нет и в обозримом будущем не будет.

Саудовская Аравия
и Объединенные
Арабские Эмираты
уже много лет
ведут войну в
Йемене, которая –
несмотря на
многочисленные
жертвы и
лишения – очень
скупо освещается
в западных
СМИ и логично
не вызывает
протесты
западных столиц,
поскольку Эр-
Рияд и Абу-
Даби считаются
региональными
союзниками
США и являются
покупателями
больших партий
американских и
других западных
вооружений.

На мой взгляд, если говорить в целом об отношениях России и Запада, международно-правовой релятивизм из них уже исчез. Такой режим сохранялся до 24 февраля 2022 г., но затем в течение нескольких недель действия стран Запада в отношении валютных резервов Центрального Банка РФ, зарубежной собственности российских граждан, российских средств массовой информации и так далее фактически разрушили фундаментальные основы отношений России и Запада. Растущая вовлеченность стран НАТО в военное противостояние на Украине фактически превратила эти страны не просто в недружественные, а откровенно враждебные по отношению к России государства.

Цитирование

Тренин, Д.В. Гибридность как главная черта современных международных конфликтов // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (2). – С. 12–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-12-22>

For citation

Trenin, Dmitry V. "Hybridity as a Central Feature of Contemporary International Conflicts."
Journal of International Analytics 13, no. 2. (2022): 12–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-12-22>